

HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Первый образ Японии в русской литературе : "Записки" капитана В. Головнина (1816)
Author(s)	Дрыжакова, Елена
Citation	Acta Slavica Iaponica, 13, 98-109
Issue Date	1995
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8079
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034044.pdf

Первый образ Японии в русской литературе: “Записки” капитана В. Головнина (1816)

Елена Дрыжакова

I

В начале 19-ого столетия для русских, как, впрочем, и для европейцев, Япония была далёкой загадочной землёй, где обитали какие-то странные люди, которые не хотели контактов с Европой, уверенной в своей передовой и прогрессивной позиции в мире. Легенды о всевозможных странностях японцев, об их нежелании торговать с европейцами, об их гонениях на христианскую веру, которую пытались проповедовать в Японии португальцы ещё в XVI веке, бытовали из книги в книгу, да и книг этих было очень и очень немного. Голландцы более других европейских народов преуспели в своих контактах с японцами в XVII и XVIII веках, но держали свою информацию в секрете. Что же знали о Японии в России в конце XVIII — начале XIX века?

Прежде всего стоит отметить, что не только немецкие источники, в том числе знаменитые труды Энгельберта Кемпфера¹ были известны в России с конца XVIII века. По крайней мере две русские книги, ускользнувшие от внимания всех исследователей русско-японских отношений, сохранились до наших дней в хранилищах редких книг:

1. Описание о Япони содержащее в себе три части, то есть: Известие о Япони и о вине гонения на христиан, Историю о гонении христиан в Япони и Последование странствования Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено. СПб., 1834.
То же. Напечатано 2-м тиснением. СПб., 1768.
2. Рейхель Иоганн Готфрид. История о Японском государстве, из достоверных известий собранная М., Университетская типография, 1773.
То же, Изд. 2-е, типография Пономарёва, 1788.
То же, 1789.²

Иван Рейхель (1727–1778) — профессор истории и библиотекарь Московского университета, член Лейпцигского общества “свободных наук.”

Сам факт выпуска этих книг несколькими изданиями свидетельствует об интересе русских к Японии уже со времён Анны Иоановны и особенно Екатерины Второй. Причём, можно говорить об этом интересе не только в специальных научных кругах, где немецкие и французские книги о путешествиях были абсолютно доступны, но среди определённой русской читающей публики, для которой был более удобным перевод на русский язык и составление компилятивного описания.

В 1792–93 годах, как известно, в Японии побывала экспедиция Лаксмана и было даже организовано временное русское “посольство” в порту Хакодате. В результате долгих переговоров Россия как будто получила право ежегодно посылать в Нагасаки одно торговое судно, хотя японцы в своей официальной бумаге по-прежнему отказывались от дипломатических контактов и торговли.

Лаксман вёл подробный журнал своего путешествия. По возвращении в Россию он передал его в Морское ведомство и с него было снято несколько копий,³ которые были доступны многим официальным лицам, готовящимся к экспедициям в Тихоокеанский бассейн, в том числе И. Крузенштерну и В. Головнину. Более того, сведения о первом русском посольстве в Японию были опубликованы в журнале *“Друг просвещения”* в №4 за 1804 год.

“Друг просвещения” издавался в Москве в академических кругах, близких адмиралу Шишкову и так называемым “староверам,” то есть настроенным консервативно патриотически правительственным деятелям. Именно в этих кругах интересовались восточными окраинами России как бы в оппозицию европейским устремлениям Александра Первого.

Через два года в журнале *“Лицей,”* издаваемом И. И. Мартыновым, снова появились материалы об экспедиции Лаксмана, в частности некоторые его служебные письма.⁴ *“Лицей”* был органом учёных кругов, многие деятели которых в своей подчёркнутой академичности и серьёзности также составляли оппозицию романтическим настроениям, увлекавшим в это время значительную часть русских так называемых “передовых” людей.

Возможно, что интерес к материалам Лаксмана и в частности к русско-японским контактам возник в 1803 году при подготовке экспедиции И. Ф. Крузенштерна, и обнаруженные в связи с этим интересные документы попали на страницы *“Друга просвещения”* и *“Лицея.”*

Крузенштерн на двух кораблях “Надежда” и “Нева” отправлялся в первое русское кругосветное путешествие и имел относительно Японии специальное задание: отвезти туда русского посла камергера Н. П. Резанова и способствовать установлению с японцами более прочных дипломатических и торговых связей. По описанию Крузенштерна,⁵ сначала всё шло хорошо. Русские суда прибыли в Нагасаки в октябре 1804 года, русские офицеры имели несколько аудиенций с губернатором, а Послу (Крузенштерн не называет его имени) была предоставлена временная резиденция в прибрежном домике. Однако русские были полностью изолированы от японской жизни и от контактов с немногими приходящими в порт судами. Крузенштерн, описывая свои впечатления от шестимесячного пребывания в Нагасаки, не скупился на всевозможные эпитеты, подчёркивающие “подозрительность” и “нетерпимость” японцев и противопоставление их “варварских” порядков “просвещённому” европеизму. Посол Резанов не нашёл соответствующего тона для общения с официальными лицами, и в конце концов ему было отказано в посольском статусе и предписано вместе с русскими моряками покинуть Японию. Во врученном ему дипломатическом письме было сказано, что хотя японцы знают, что такое соседская дружба, торговых сношений с Россией они не хотят, а посольства считают напрасным и бесполезным трудом.⁶

Крузенштерн описал отказ от посольства и торговли с Россией как ещё одну абсурдную и недоброжелательную черту японского национального характера, но позже Головнин, сравнивая эти описания Крузенштерна с тем, что рассказали ему японцы об этом предмете, был убеждён, что именно Резанов по своей дипломатической бездарности и сановной чванливости провалил удачно начинавшиеся переговоры.

Японцы не только не приняли письма от Российского Императора, отказались от посольства и торговли, но и официально запретили русским кораблям приближаться

к Японским берегам. Даже спасённых от кораблекрушений японцев было предписано передавать на родину через голландцев. Всё это было достаточно унижительно для могущественного государства, и не удивительно, что даже в смягчённой передаче Крузенштерна вызвало в русских правительственных и общественных кругах возмущение и враждебность по отношению к Японии.

Потерпев дипломатическую неудачу, Резанов возвратился в Охотск и вскоре отправился по делам русско-американской компании в Америку. Во время плавания он близко познакомился с двумя прибывшими из Петербурга морскими офицерами Н. А. Хвостовым и Г. И. Давыдовым. Оба молодых человека отличались мужеством, пылкостью характера и романтической страстью к преодолению трудностей. Резанов решил, что судьба послала ему людей, вполне подходящих для его мстительного реванша по отношению к японцам. 29 августа 1805 года он написал Хвостову и Давыдову официальное письмо-инструкцию, в котором апеллируя к их патриотическим чувствам, предлагал им сделать экспедицию на южную оконечность Сахалина с тем, “чтобы японцев согнать с онога, все заведения их на нём истребить, всё что можно забрать с собою, остальное же отдать жителям острова или предать огню. Сахалинцев же взять под своё покровительство, раздать старшинам серебрянные медали и объявить их Российскими подданными.”⁷

Идея экспедиции, как видно из цитируемого письма, безусловно принадлежала самому Резанову, и он пытался представить её не как личную месть, а как предупреждение японцам, имеющее целью “внушить в них вящее к флагу нашему уважение.”⁸ По поводу предполагаемой экспедиции Резанов написал донесение ко Двору, но долго не получая ответа, струсил и в сентябре 1806 года направил Хвостову и Давыдову новую инструкцию, в которой утверждал, что “опасности” из-за плохого состояния кораблей склоняют его “к перемене плана.” Просто подойти к берегу и “взглянуть” на японцев уже будет “первым предметом вашего усердия.” “Впрочем, — двусмысленно прибавляет Резанов, — в плавании вашем... могут быть непредвидимые обстоятельства...”⁹

Для Хвостова и Давыдова, жаждущих романтических подвигов на благо отечества, добавочное разъяснение Резанова о трудностях экспедиции было только подстёгивающим фактом. Они в 1806 и в 1807 годах дважды подходили к заливу Анива и буквально исполнили первую инструкцию Резанова: ограбили и подожгли японские склады, раздали жителям русские грамоты и медали, взяли пленных, да сверх того по собственной инициативе подняли над посёлками местных жителей русский флаг. Хвостов и Давыдов считали, что выполняют свой патриотический долг, но акция на самом деле не была согласована с правительством, и поэтому по возвращении в Охотск оба офицера были арестованы и позже подвергались наказанию. Что касается Резанова, прямого виновника этой экспедиции, то он избежал наказания по причине неожиданной смерти по дороге в Петербург.

Эти набеги Хвостова и Давыдова, которые японцы справедливо называли “флибустьерскими актами,” сыграли очень большую отрицательную роль в русско-японских отношениях.

В Петербурге однако не знали подробностей, и когда после долгой и мучительной дороги через Сибирь в 1808 году Хвостов и Давыдов прибыли в столицу, они были встречены как герои. О храбрости и энтузиазме этих офицеров ходили

легенды. Адмирал А. С. Шишков, весьма заметная в общественной жизни того времени фигура, приходился родственником лейтенанту Хвостову. Именно по настоянию этого убеждённого русофила и патриота Давыдов, обладавший некоторым литературным талантом, приступил к описанию своих путешествий и приключений. И хотя он успел подготовить лишь первую часть (оба они, Хвостов и Давыдов погибли в 1809 году от несчастного случая), Шишков собственноручно закончил и издал под именем Давыдова книгу: *“Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним.”* Книга была напечатана в Морской типографии Петербурга в 1810 году.

Давыдов, естественно, не касался событий на южном Сахалине и своих там “подвигов.” Но Шишков в предпосланном книге обширном предисловии рассказал русской читающей публике об этих событиях в соответствующем освещении: Хвостов и Давыдов выполняли свой патриотический долг, и лишь зависть и недоброжелательство заставили их страдать и быть наказанными.

Описывая жизнь и быт народов, населяющих северные тихоокеанские острова (остров Кодьяк), Давыдов — или Шишков в его редактировании — одобряли политику защиты русскими малых народов, которых, по их мнению, японцы держали как “рабов.”

Примерно в это же время печатается и *“Путешествие...”* Крузенштерна, где в последних двух главах рассказывается об отказе японцев от русского посольства и даётся опять-таки с некоторой тенденциозностью краткий очерк истории и географии порта Нагасаки.

И предисловие Шишкова к книге Давыдова, и упомянутые главы *“Путешествия...”* Крузенштерна были большие ложки дёгтя, которые сыграли свою роль в достаточно отрицательном образе Японии в сознании русского читателя в первое десятилетие XIX века.

II

Василий Михайлович Головнин (1776–1831), выходец из старинной, хотя и небогатой дворянской семьи, окончив в 1793 году Морской кадетский корпус, плавал на многих судах, был на службе в английском флоте под командованием адмирала Нельсона.¹⁰ Возвратившись в Петербург в 1806 году, он стал готовиться к кругосветной экспедиции на отданном под его команду шлюпе “Диана.” На плавание от Кронштадта до Камчатки ушло около двух лет, поскольку в Кейптауне корабль был на 13 месяцев задержан англичанами.

В 1809–1810 годах Головнин находился в плавании к берегам Северной Америки, переживая зимние штормы в Петропавловске. Здесь он изучал карты и материалы Крузенштерна и других мореплавателей, побывавших в этом климатически очень трудном, а политически не вполне ясно определённом районе Тихого океана. Головнину было поручено произвести описание Алеутских и Курильских островов. Большая часть Курильских островов считалась в XVIII веке принадлежащими Российской империи, так же как и южный берег Сахалина. Однако последние острова Курильской гряды Кунашир и Итуруп в начале XIX века были колонизированы Японией. Описав русские острова, Головнин летом 1811 года, не поднимая никакого

флага, плавал вдоль берегов Итурупа и Кунашира, где находилась Японская крепость. Японцы расценили появление русского корабля в Кунаширской гавани как продолжение действий Хвостова и Давыдова, хотя посланцы с “Дианы” пытались уверить местное начальство в своих мирных намерениях. Головнин оставил судно и с двумя офицерами и четырьмя матросами отправился в японскую крепость. Все они были захвачены в плен.

Более двух лет (и июля 1811 по октябрь 1813) капитан Головнин, шесть членов его экипажа и переводчик курилец провели в японском плену в очень тяжёлых условиях, из которых самым ужасным фактором была неизвестность: жизнь или смерть, вечная неволя или возврат на родину. Тем не менее Головнин сразу стал проявлять интерес к тому, что его окружало — к японской жизни.

Характерно, что описывая первые, может быть самые тяжёлые, дни своего пленения, когда японцы вели связанных русских моряков из кунаширской крепости в Хакодате на острове Матсмай (Хоккайдо), Головнин вспоминает и передаёт свои чувства: “Мы считали их тогда лютейшими варварами в целом мире...” Однако тут же Головнин утверждает, что многие “случаи” и тогда показывали им, что “между ними были добрые люди.”¹¹ А наблюдая жителей селений, мимо которых их вели, Головнин видел “добродушие и внимание” к своей участи и писал, что уже тогда они “стали о японцах мыслить лучше и не считали их совершенными варварами, презирающими европейцев, как каких-нибудь животных.” (стр.78)

Головнин, знавший по многим источникам о подозрительности, жестокости, мстительности японцев, не терпящих чужеземцев на своей земле, тем не менее с самого начала отказался от этого предвзятого стереотипа. В отличие от Крузенштерна он не подходил к японцам с позиций европейских этических норм XVIII века, хотя многие черты в обращении японцев с русскими моряками казались ему странными. Например, жестокие верёвки, изранившие тело, и вместе с тем забота о пище, постелях и здоровье пленников. Позже Головнин понял, что быть связанным по рукам и ногам — это символическая часть японского этикета, которая всегда соблюдалась не только для пленников, но и вообще для нарушителей законов.

Ещё не зная, какая судьба ожидает его самого и его товарищей, Головнин через несколько месяцев после пленения, когда в его руках появилась бумага и карандаши для работы с приставленными к нему переводчиками, начал записывать свои впечатления. Писал он “полусловами и знаками, мешая русские, английские и французские слова, так, чтобы... никто не мог прочитать... записок,” если бы японцы стали его обыскивать (стр.228). Головнин записывал или запоминал то, что отличало японскую жизнь от русской и европейской. Неоднократно он обращал внимание на факты, которые представляли Японию в весьма выгодном свете по сравнению с Европой. Например, несколько раз Головнин подчёркивал в своих “*Записках*,” что в Японии все грамотны и “нет человека... какого бы низкого сословия он ни был, который не умел бы писать... и потому-то они удивлялись, каким образом из четырёх человек наших матросов ни один не умел писать (стр.89).” Любопытно отметить, что может быть под влиянием этих впечатлений Головнин и его офицеры начали в плену учить своих матросов грамоте (стр.229).

Любопытство японцев, сотни их “странных” вопросов о русской жизни, которые задавали пленникам, постепенно перестают вызывать у Головнина ироническое

удивление. Хотя бесконечные повторения одних и тех же бытовых вопросов подчас и раздражали Головнина, он всё же находит резонное объяснение этому: при громадной разнице в структуре языков и плохих переводчиках японцы ещё и ещё раз сопоставляли ответы, чтобы понять суть информации о своём могущественном соседе.

Более всего интересовало японцев всё, что было связано с действиями Хвостова и Давыдова. Головнин очень скоро понял, что именно сим последним он и его товарищи обязаны своим пленом. И Головнин, оставаясь абсолютно верным долгу офицера русской императорской службы, признаёт тем не менее право японцев на недоверие по отношению к русским. Японцы показали Головнину несколько бумаг Хвостова, в которых он утверждал, что действует по “всемилоостивейшему покровительству Российского императора Александра Первого (стр.115).” Показали Головнину и письмо Хвостова Матсмайскому губернатору, в котором содержались “угрозы японцам и проч. в случае, если они не согласятся с нами торговать (стр.224).” После этого Головнин перестал удивляться, что их считали “шпионами,” пришедшими за какими-то важными сведениями, а может быть и с теми же целями, с которыми приходил Хвостов. Можно сказать, что в значительной степени пафос первых двух частей “Записок” Головнина — это осуждение действий Хвостова и попытки уверить японцев, что это было “дерзостью” и “своевольством частного лица,” а не актом “великой и сильной империи (стр.115).”

Головнин не только наблюдал, запоминал, записывал то, что он видел вокруг, но, отказавшись с самого начала от презумпции считать Японию недостаточно цивилизованной, отсталой страной, он сумел увидеть и понять очень многое. В третьей части “Записок...” он подробно описывает и государственное устройство, и законы, и обычаи, и вероисповедание, и народный характер, и хозяйство и многое другое.

Касаясь особенно острой в глазах европейцев проблемы гонения на христианскую религию, Головнин находит и тут разумное и беспристрастное объяснение: миссионеры, “с другого конца света,” старались, по его интерпретации, “поработить многочисленный мирный, трудолюбивый и никому никакого зла не причинивший народ,” а будучи изгнанными, “описывали их такими красками, что твари гнуснее и опаснее японца едва ли и вообразить себе можно. Европейцы все такие сказки, монашеской злобою дышащие, приняли за достоверную истину на честное слово, а отвращение японцев ко всему тому, что имеет связь с христианской религией, и благоразумная осторожность их политики не допускать чужестранцев в свои владения и стараться всеми мерами удалить их от берегов своих подтверждают ложные клеветы, на сей умный народ вознесённые (стр.302).”

Головнин не только наблюдал и запоминал, он по возможности старался общаться с людьми. Это было очень трудно и для русских пленных и для японцев. Переводчик Головнина курилец Алексей и русский и японский язык знал плохо. Он был лишь посредником между русскими и японским переводчиком, который толковал ему по-курильски. Японский переводчик Куманджеро, старик лет семидесяти, хотя уже почти 20 лет трудился над русским словарём, очень мало преуспел в этом деле. От плохого взаимного понимания происходили иногда дополнительные трудности и неприятности. Головнин приводит несколько таких примеров (стр.122, 145, 155, 267 и др.). Японцы, конечно, тоже понимали эти трудности, и несмотря на своё первоначальное недоверие к русским морякам и свою традиционную осторожность, они

всё-таки спустя некоторое время, стали просить Головнина, чтобы он и его товарищи учили нескольких японцев русскому языку.

Сначала русские пленные сочли это для себя унижительным и решились умереть, но не делать этого, но постепенно и здесь восторжествовал здравый смысл. Головнин и мичман Мур с удовольствием исполняли роль учителей, тем более что присланный губернатором ученик Теске оказался очень умным и способным. Головнин составил русскую азбуку и по памяти написал грамматику. При этом он старался помещать в ней примеры, по его словам, “клоняющиеся к сближению и дружбе двух империй, что японцам весьма нравилось (стр.245).”¹²

К середине второго года к русским пленным ходили учиться русскому языку, а затем и за другими сведениями о России уже несколько человек, в том числе и японские учёные. Головнин даже однажды по их просьбе написал им оду Державина “Бог,” которую тут же пытался растолковать через переводчиков (стр.307).¹³

Нужно сказать, что несмотря на неудачную попытку русских моряков бежать из плена, японцы постепенно всё лучше и лучше относились к русским пленникам. Любопытно отметить, что попытка побега не повлияла на этот процесс. Головнин замечает, что когда пленников вернули в тюрьму и они ожидали устроения режима, этого не произошло. Поскольку губернатор Аррао-Тадзимано-Ками решил их освободить и это уже было дипломатически начато, дело продолжалось. Но, как говорил Головнину переводчик Теске, надо иметь терпение: в Японии ничего не делается “вдруг.” Характерно и то, как отмечает Головнин, что показания и поступки мичмана Мура, изменившего своему капитану, не были использованы против русских, а намерение сего мичмана остаться в Японии и служить японцам, было отклонено.

В апреле 1812 года была попытка неудачного побега, а в августе шлюп “Диана” под командой капитана Рикорда вновь подошёл к берегам Кунашира, и после долгих и умелых переговоров капитана Рикорда дело освобождения было окончательно согласовано. Русских моряков перестали считать пленными, им шили дорогую одежду, приглашали в гости и даже пили вместе с ними за здоровье императора Александра (стр.226).

История более чем двухлетнего пленения закончилась счастливым отплытием на той же “Диане,” и Головнин утверждает, что ни у русских моряков, ни у японцев не осталось зла друг на друга. Действительно, — пишет Головнин в конце “*Записок...*,” японцы непритворно радовались нашему счастью. Переводчики нам сказали, что старший из священников здешнего города просил от губернатора позволение пять дней сряду приносить молебствие в храме о благополучном нашем возвращении в Россию (стр.285).”

Головнин покинул Японию убеждённым, что всё, пережитое им и его товарищами в японском плену есть расплата за “флибустьерское поведение” Хвостова и Давыдова. В отличие от Крузенштерна и Резанова, Головнин увидел Японию не как антипод Европы, а как другой, совершенно самостоятельный мир, со своей системой жизни и этики. Отвергая неоднократно повторяемые утверждения о “японской злости” и “японском коварстве,” Головнин резюмирует: “Мне судьба предназначила в течение 27-месячного заключения в плену у сего народа удостовериться в противном. Описание моих приключений... содержит, кажется, слишком убедительные доводы, что японцы совсем не таковы, какими их представляют себе просвещённые жители

Европы (стр.302–303).”

III

Вернувшись в Петербург в июле 1814 года через Сибирь с немалыми трудностями, В. М. Головнин вскоре приступил к работе над Записками. Какие-то наброски были сделаны ещё в плену, что-то он вспоминал по горячим следам во время сибирских скитаний и, пробыв в Петербурге полгода, имел уже “десять тетрадий.”¹⁴ Затем он отправился в своё рязанское имение, чтобы закончить работу.

В начале 1815 года Головнин привёз в столицу огромную рукопись своих Записок, которые по распоряжению императора Александра Первого были изданы в Санкт-петербургской Морской типографии в 1816 году под названием “*Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе.*”

Головнин разделил свои “*Записки*” на три части:

- 1 от начала плавания “*Дианы*” к Курильским островам и взятия в плен до попытки побега;
- 2 от описания неудачного побега до освобождения и возвращения в Петербург;
- 3 замечания о японском государстве и народе.

Повествование первых двух частей вполне соответствует привычным для этого жанра стилю и композиции. Записки о путешествиях, оригинальные и переводные, уже были хорошо знакомы русскому читателю.¹⁵

Однако Головнин обладал несомненным литературным талантом, и его “*Записки*” можно считать не только научным описанием путешествия (как у Крузенштерна, например), но художественно-мемуарным произведением. Особенно учитывая, что это было время так называемых сентиментальных путешествий в качестве очень популярного литературного жанра. Именно те обстоятельства, что Головнин был взят в плен, содержался в тюрьме, пытался бежать, имел предателя среди своих, — создавали достаточно романтический сюжет, на фоне которого действительно окружавшие его люди воспринимались как персонажи. Образы японцев как поименованные, так и безымянные, вместе с описанием природы и обычаев (color local) создавали весьма информативный художественный мир той далёкой и удивительной страны, о которой в России так мало знали. И мир этот хотя и увиден глазами страдающего от него человека, нарисован не только объективно (без романтических негодований и сентиментальных пристрастий), но и с большой симпатией.

“*Записки*” Головнина имели очень большой читательский успех. Он был отчасти подготовлен публикациями в журнале “*Сын Отечества*” в 1815 году Записок П. И. Рикорда: “*Освобождение капитана Головнина из японского плена.*”¹⁶ Таким образом читающая публика уже знала, кто был Головнин и что с ним случилось. В свою очередь, Головнин в первом издании “*Записок...*” поместил специальное “Известие” о выходе через месяц, то есть в том же 1816 году “*Записок флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и в*

1813 годах и о его сношениях с японцами.” В этих “*Записках...*” утверждает Головнин, открываются “многие обстоятельства, которых я, находясь в заключении, не мог знать (стр.370).”

“*Записки...*” Рикорда написаны в более традиционном стиле для жанра путешествий и содержат много интересных подробностей в описании дипломатической процедуры освобождения пленных и вообще японского этикета. Однако слог Рикорда несколько тяжеловат и не отличается той удивительной живостью, которая сделала “*Записки...*” Головнина художественно-мемуарным произведением. Вместе с тем у Рикорда мы находим тот же благожелательный тон и уважение по отношению к японцам. Особенно он выделяет дипломата и переводчика Такатай-Кахи, которого называет “умным,” “просвещённым,” “почтенным,” “великодушным.”¹⁷

Заканчивая описание шестимесячных переговоров и счастливого освобождения пленников, Рикорд пишет: “Две великие империи не имевшие доселе никакого между собою сношения, сделали чрез сие великий к тому шаг.”¹⁸

Так, поддерживая друг друга в своих “*Записках*” (как и в реальных обстоятельствах!) В. М. Головнин и П. И. Рикорд давали русскому читателю совершенно новый образ Японии, рассеивая длительную неприязнь и ироническое предубеждение многих предыдущих источников.

Отклики на “*Записки...*” Головнина стали появляться вскоре после выхода книги.¹⁹ В 1817–1818 годах появились переводы на немецкий, английский, французский, датский и другие языки.²⁰

Стоит остановиться на нескольких интересных откликах, принадлежащих известным русским литераторам.

В марте 1817 года К. Н. Батюшков в письме к Н. И. Гнедичу, оценивая современную ему прозу, в том числе путевые записки, пишет: “Недавно прочитал Монтаня у Японцев, т.е. Головнина записки. Вот человек! вот проза!”²¹ Следует заметить, что в этот период Батюшков ставит Монтаня едва ли не выше всех публицистов: “Вот книга, которую я буду перечитывать всю мою жизнь!.. — пишет он в “Записной книжке,” имея в виду знаменитые “*Опыты*” Монтаня. — все писатели, все моралисты, все стихотворцы почерпали в Монтане мысли, обороты или выражения... Монтаня можно сравнить с Гомером.”²² Немного позднее, в мае 1817, говоря о своей неспособности писать экспромтом “без самолюбия,” “что выльется.” Батюшков снова вспоминает Монтаня: “Писать так скоро, как говоришь, без претензий, как мало авторов пишут, ибо самолюбие всегда за полу дёргает... Но Монтань писал, как на ум приходило ему: верю. Но Монтань — человек истинно необыкновенный.”²³ И вот таким, пишущим “без претензий,” “без самолюбия,” “как на ум приходит,” Батюшков считал Головнина.

А. А. Бесстужев в своём обзоре русской словестности в первой книге “*Полярной звезды*” (1823) выделяет “*Записки...*” Головнина среди подобных ему описаний путешествий: “Головнин описал своё пребывание в плену японском так искренне, так естественно, что ему нельзя не верить. Прямой, неровный слог — его отличительная черта мореходцев — имеет большое достоинство и в своём кругу занимает первое место, после слога Пл. Гамалеи, который самые сухие науки оживляет своим красноречием.”²⁴ Как видим, Бестужев, как и Батюшков, высоко ценит искренность и прямоту Головнина.

В. К. Кюхельбекер, читая “*Записки...*” Головнина с запозданием, в тюрьме, в 1832 году, посвящает им несколько страниц. Для него это книга, от которой “трудно оторваться.” Он записывает в своём Дневнике массу сведений, полученных из “*Записок...*” Ему интересны и вопросы, задаваемые Головнину, и имя японского губернатора Аррао Тадзимано Ками, который был благодетелем русских пленных, несмотря на опасность быть заподозренным в неисполнении японских законов, и имена “благородных,” “умных” и “добрых” переводчиков Теске и Кумаджеро, и сведения по истории, и особенности японского языка. Заканчивая свои рассуждения о “*Записках...*,” Кюхельбекер пишет: “Читая Головнина, нельзя не полюбить японцев, несмотря на их странности, которые, впрочем, вовсе не глупы.”²⁵ Как видим, ссыльный декабрист оценил и гуманизм “*Записок...*,” и искреннюю симпатию Головнина японскому народу.

После публикации “*Записок...*” Головнин много плавал и много писал. Конечно, его последующие книги не имели столь бурного успеха. Однако они читались и сочувственно оценивались критикой.²⁶ В русских журналах 1820-х годов неоднократно всплывала японская тема,²⁷ истинным пионером которой был Головнин. Его рассказы на страницах журналов, безусловно, могли привлечь читателей. Вот почему желчный сатирик того времени А. Ф. Воейков, желая упрекнуть издателя “*Сына Отечества*” Н. И. Греча в поисках популярности за чужой счёт, писал в одном из вариантов своей сатирической поэмы “*Дом сумасшедших*”:

Вот наш Греч: рукой нескромной
Целых полгода без сна,
Из тетрадищи огромной
Моряка Головнина
Он страницы выдирает
И отъявленный нахал —
В уголку иглой вшивает
Их в недельный свой журнал.²⁸

Примечания

- 1 Книга этого немецкого врача и путешественника (1651–1716), прожившего несколько лет в Японии, была вначале издана по-английски: *History of Japan and Siam* (London, 1727), а затем по-немецки: *Geschichte und Beschreibung von Japan* (Berlin, 1777). Именно это издание было хорошо известно в России.
- 2 См. *Сводный каталог русской книги 18 века. 1725–1800* (М.: Книга, 1962–1967), т. II, стр.359, т. III, стр.25.
- 3 Полный текст журнала А. Лаксмана по копии, хранящейся в ЦГАВМФ, опубликован в Приложении к книге: *В. М. Головнин. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе* (Хабаровское книжное издательство, 1972), стр.454–489.
- 4 “*Лицей*.” Периодическое издание И. Мартынова на 1806 год, СПб., ч. II, кн. 2, 3, ч. III кн. 1–3. Позже материалы публиковались в журнале “*Северный*

- архив,*” 1822, ч. I и 1826, ч. 22. Некоторые служебные донесения Лаксмана и правительственные инструкции 1791–1792 годов в связи с его экспедицией собраны и перепечатаны в книге: *Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века*, Сборник документов (М.: Наука, 1989), стр.312–315.
- 5 И. Ф. Крузенштерн, *Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях “Надежде” и “Неве”* (СПб., 1809–1812), гл. XII.
 - 6 Бумаги, данные Резанову японским губернатором, в изложении переводчиков, были опубликованы в первом издании “*Записок...*” Головнина и приводятся в приложениях книги: *Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах...* (Хабаровское книжное издательство, 1972), стр.452–453.
 - 7 Инструкция Резанова опубликована в книге: *Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова писанное сим последним* (СПб., 1810), ч. I, стр.XIV.
 - 8 Там же, стр.XIII.
 - 9 Там же, стр.XXII.
 - 10 Биографические сведения о Головнине впервые собрал и напечатал Н. И. Греч: *Жизнеописание Василия Михайловича Головнина* (СПб., 1851). То же: *Морской сборник*, №7 (1857). Наиболее подробная современная, хотя и тенденциозно изложенная, биография Головнина содержится в книге: Ю. Давыдов, *Головнин. Жизнь замечательных людей* (Москва, 1968).
 - 11 *Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у Японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе* (Хабаровское книжное издательство, 1872), стр.74. В дальнейшем “*Записки...*” Головнина цитируются по этому изданию с указанием страницы в тексте. В настоящее время это по сути дела единственное научное издание “*Записок...*” Головнина.
 - 12 Эти материалы Головнина остались в Хакодате и сохранились до настоящего времени. Впервые их обнаружил американский исследователь George Alexander Lensen, который работал в Японии как фулбрайтовский стипендиат. В 1954 году он издал книгу: *Report from Hokkaido: The Remains of Russian Culture in Northern Japan*, в которой впервые воспроизвёл страницы из Азбуки и Грамматики Головнина (pp. 38, 49, 41, 43, 44). В 1972 году профессор Ёсикадзу Накамура подробно описал грамматику Головнина, которая хранится в библиотеке “Сейкадо-бунко.” Профессор Накамура впервые опубликовал “Предисловие” Головнина и русское название его грамматики, а также интересные примеры, которыми Головнин пояснял грамматические правила. См.: *Hitotsubashi Journal of Arts & Sciences*, v. 11, №1 (Sept. 1972), pp. 45–53
 - 13 Об этом эпизоде, а также о японских учёных, ходивших к Головнину, см. указанную выше статью Ёсикадзу Накамура. Этот факт, описанный Головниным со многими подробностями, так “поразил” русское общество, что распространялся, переходя из “уст в уста,” при этом, естественно, подвергаясь некоторым изменениям. Грот, комментатор Державина, считает это свидетельством как популярности оды Державина, так и “*Записок...*,” “когда

- история плена Головнина всех интересовала.” (*Сочинение Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота*, 2-е Академическое издание, т. I, СПб., 1868, стр.135)
- 14 Так сказано в записке В. М. Головнина к переводчику К.-И. Шульцу от 14 ноября 1814 года. Цитирую по книге Ю. Давыдов, *Головнин* (М.: ЖЗЛ, 1968), стр.148.
 - 15 См. например, Г. Ф. Миллер, *Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с российской стороны učinённых. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие*, т. 7-8 (СПб., 1758). В начале XIX века изданы Путешествия Г. Сарычева, Г. Шелихова и др. Подробный перечень см. в книге: В. А. Дивин, *Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке* (М.: Мысль, 1971), стр.349-356.
 - 16 “*Сын Отечества*.” Исторический и политический журнал. ч. 20, 21, 24, 25. В №32, ч. 23 за тот же 1815 год было напечатано извещение о готовящемся выходе “Записок...” Головнина.
 - 17 “*Записки...*” капитана Рикорда цитируются по изданию их в приложении к “*Запискам...*” Головнина (Хабаровское книжное издательство, 1972), стр.435, 441, 445 и др. Такатай-Кахи (Такадая Кахее) и после своей успешной акции по освобождению Головнина и его товарищей продолжал свою деятельность по укреплению русско-японских отношений. См. об этом в уже упоминавшейся книге: G.A. Lensen, *Report from Hokkaido*, pp. 46, 51.
 - 18 “*Записки...*” Рикорда, стр.445.
 - 19 *Русский Вестник*, №11-12 (1817).
 - 20 Полный перечень переводов см. в книге: В. М. Головнин, *Записки...* (Хабаровское книжное издательство, 1972), стр.517.
 - 21 К. Н. Батюшков, *Сочинения в двух томах*, т. 2 (М.: Художественная литература, 1989), стр.433.
 - 22 *Там же*, стр.24.
 - 23 *Там же*, стр.35.
 - 24 А. А. Бестужев-Марлинский, *Сочинения в двух томах*, т. 2 (М.: Художественная литература, 1958), стр.537.
 - 25 В. К. Кюхельбекер, *Путешествие. Дневник. Статьи* (Л.: Наука, 1979), стр.133, 134.
 - 26 “*Сын Отечества*” неоднократно печатал отрывки из последующих записок Головнина: “Путешествие на шлюпе ‘Диана’ из Кронштадта в Камчатку, совершённое под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807-1811 годах,” *Сын отечества* (1816), чч. 29-32; (1818), ч. 50; “Путешествие вокруг света, совершённое на военном шлюпе ‘Камчатка’ в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головниным,” *Сын отечества* (1820), чч. 59-66; (1821), чч. 68, 71, 72.
 - 27 См.: *Отечественные записки* (1822), ч. 12; (1823), чч. 14, 15; (1824), ч. 20; (1825), ч. 23, 24.
 - 28 *Поэты 1790-1810-х годов* (Библиотека поэта) (Л., 1971), стр.800.